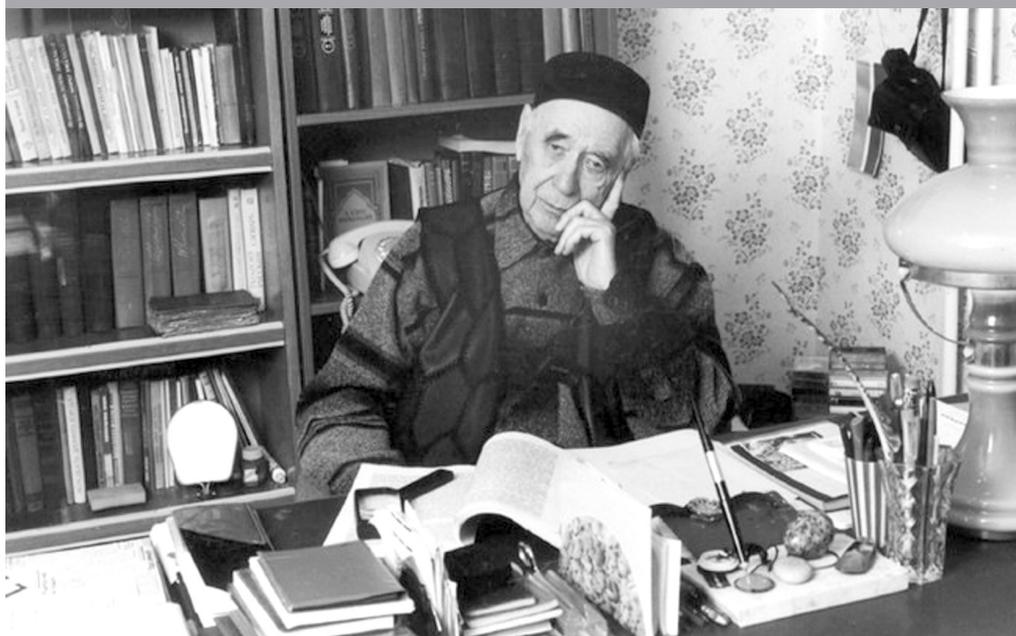

Амирхану Еники – 110 лет со дня рождения

Сказитель красоты

НАРОДНЫЙ писатель Татарстана, лауреат Государственной премии РТ им. Г. Тукая Амирхан Еники – один из самых любимых и почитаемых народом мастеров словесности. Творчество писателя тесно связано с особенностями татарского национального мышления. Его прозу ни с кем не спутаешь. Она читается так, будто слушаешь какую-то до боли знакомую, душевную песню. Все его произведения отличаются языковым богатством, тонкой стилистикой, неподражаемой лирикой. Лирика Амирхана Еники светла и прозрачна, она, как ясный день первоосени, вызывает грусть и заставляет задуматься о чём-то не сиюминутном. Вместе с тем эта лирика реалистична. Реализм Еники связан с его богатым жизненным опытом. Достаточно назвать срок участия рядового Амирхана Еникеева в Великой Отечественной войне: с 1941-го по 1945 год. Широка география мирной жизни писателя – от Донбасса до Узбекистана, где он учительствовал в различных учебных заведениях.

Амирхан Нигметзянович Еникеев (Амирхан Еники – псевдоним) родился 2 марта 1909 года в деревне Ново-Каргали Благоварского района Башкирии. Учился сначала в медресе, затем – в общеобразовательной советской школе. С детства увлекался литературой, особенно – поэзией Тукая. В 1925 году будущий писатель приезжает в Казань и устраивается работать курьером в книжный магазин, а уже через год в одном из казанских журналов был напечатан его первый рассказ «Слушая протяжную мелодию». Однако первая его самостоятельная книга вышла

только в 1947 году. Это сборник навеянных войной рассказов. С них по большому счёту и начинается писатель Амирхан Еники, которого мы хорошо знаем и любим.

Произведения писателя переведены на многие языки постсоветского пространства, книги его издавались в ведущих издательствах Москвы. В основном же он печатался в Таткнигоиздате, где вышли в свет и его многотомники.

О каком бы на первый взгляд незначительном событии ни рассказывал Амирхан Еники, он незатейливо раскрывает глубинную философию факта, умеет увидеть красоту человека не только в его внешнем облике. Классикой татарской литературы стали его рассказы «Красота», «Глядя на горы», «Медный колокольчик», «Одиночество», «Только на час», «Курай»...

А вот в повести «Марево» писатель во весь рост поднимает такие явления, как мещанство, эгоизм, стяжательство, чёрствость души. Обобщённо сказать, творчество Еники многогранно. Здесь и публицистические выступления, и очерки, и сатира... Заметную долю в собрании многолетнего труда писателя занимает художественный перевод произведений А. Островского, О. Гончара, К. Паустовского, М. Бубеннова, Э. Казакевича, Ч. Айтматова.

С 1946 года Амирхан Еники – член Союза писателей СССР, позже – Татарстана. Активное участие аксакал нашей литературы принял участие в создании (1996) и жизни Татарского ПЕН-центра, явившегося вторым в России (после Русского ПЕНа) ассоциированным членом Международного ПЕН-клуба (Всемирной ассоциации писателей).

Предлагаем читателю рассказ Амирхана Еники «Одинокая гусыня» из его военного цикла.

Амирхан Еники

рассказ

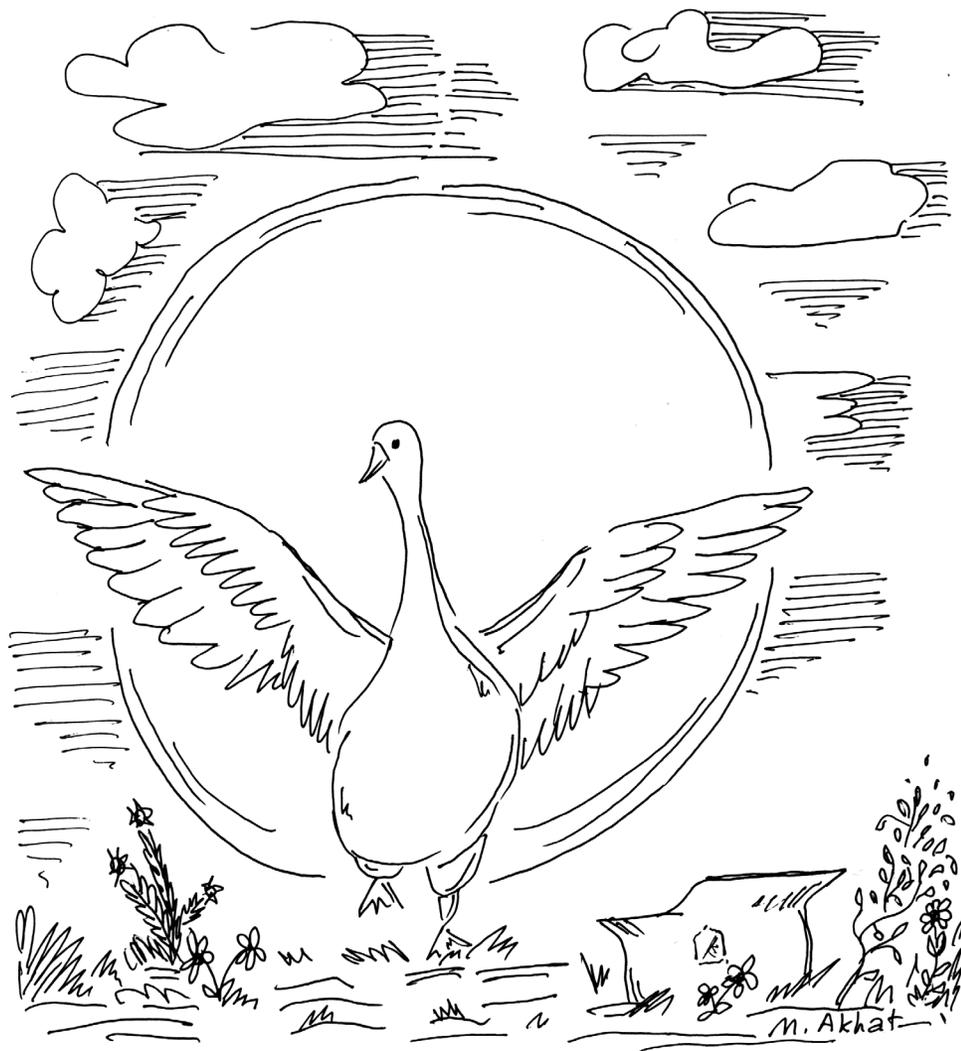
Одинокая гусыня

В ОДНОЙ ДЕРЕВНЕ, недавно освобождённой от немцев, мы увидели гуся. Да, да, не удивляйтесь – живого гуся. Голова серая, шея и туловище белые, а крылья опять серые, словом, по нашему – пёстрый гусь. Вернее сказать, это была гусыня.

Повстречай наши солдаты в калининских лесах страуса, они, пожалуй, не так изумились бы. И в самом деле, мы прошли уже через множество деревень, вызволенных из фашистского рабства,

и вдруг увидели живого гуся. Известно, что русские гуси очень дразнили аппетит немецких захватчиков и были для них любимым лакомством. Вот и случилось, что по этим районам словно мор гусиный прошёл: гитлеровцы уничтожили их сотнями, тысячами, так что и потомства не осталось.

Понятное дело, что пёстрая гусыня, каким-то чудом сохранившаяся в этой деревне, вызвала у наших солдат необыкновенный интерес. Её сразу все

заметили. И при встрече каждый останавливался полюбоваться ею. А пожилые солдаты, так те любили просто посидеть возле гусыни и поделиться друг с другом воспоминаниями о мирной жизни.

Пёстрая гусыня понемногу тоже привыкла к нашим солдатам и вскоре уже никого не боялась, а кое с кем успела и подружиться. И всё-таки потом она охладела к нам, изменила нам, пренебрегла нами.

Как же это произошло?

Хозяйкой пёстрой гусыни была оди-

нокая женщина, которую звали тётя Маша. Муж у тётя Маши воевал на фронте, а единственная дочка уже подросла и работала в городе. Кроме этой самой гусыни, хозяйство тётя Маши состояло из козы с двумя козлятами и пяти кур, которыми руководил огненно-красный и очень важный красавец петух. Все эти обитатели двора тётя Маши были для неё не только богатством, но и усладой её сердца и заменяли ей семью. Они между собой очень дружили, да и тётя Маша всех их любила и одинаково обо всех заботилась.

Но в ту пору ранней весны они редко собирались всей семьёй. Каждое утро белая коза со своими козлятами отправлялась в стадо. Потом и тётя Маша уходила на полевые работы, поручив соседям присмотреть за гусыней и курами. Но красный петух, любитель погулять, тоже уводил своих кур куда-нибудь на улицу или к чужим сараям.

Во дворе оставалась только пёстрая гусыня. Целый день она проводила одна, и до вечера её не было слышно. Спит себе, бывало, возле крыльца, положив голову на спину, или лениво бродит перед домом, пощипывая травку. А то шумно пьёт из корытца налитую для неё воду. Иногда, будто не зная, куда себя девать, она уходила на огород и там, вытянув над молодой картофельной ботвой шею, долго стояла, медленно поворачивая голову то в одну, то в другую сторону, – то ли высматривала, то ли поджидала кого.

О чём думала в эти долгие ясные дни пёстрая гусыня, о чём грустила она? Кто же ответит на это? Кто подслушал её печали?..

Видно, одиночество очень угнетало бедную гусыню, да это и не удивительно. Дело-то было весной. Природа, улыбаясь, раскрыла глаза навстречу свету, точно озорное солнце пробудило её ото сна, пощекотав своими лучами. Всё живое пришло в движение, радостно засуетилось, захопотало. Земля покрылась молоденькой травкой, которая с каждым днём становилась всё выше и гуще. Луга запестрели яркими, одетыми в белую фату ромашками. К ним с тонким гудением слетались вёрткие шмели, разодетые женихами, – этикие туго подпоясанные молодцы, в новеньких жёлтых сапожках. Белые, жёлтые и красные бабочки, как нарядные девушки, обступившие на свадьбе невесты, пёстрой толпой вились вокруг цветов и прильнувших к ним шмелей. Важные скворцы, голосистые соловьи, беспечные кукушки, напоминая приглашённых на торжество певцов, без умолку заливались в садах, разукрашенных будто для приёма гостей. Баловни-жаворонки,

словно молодые парни, что пускаются в пляс с припевками, резвились в ясном небе.

На этом свадебном пиру никто не оставался одинок, всё живое находило себе пару. А когда появлялось потомство, начинались хлопоты о детёнышах. Вон курица только что снесла яйцо и теперь взволнованно кудахчет на всю округу. У кур хоть и один на всех, но всё же есть горделивый красавец петух. Вон птицы на лету хватают упитанных мошек и тащат их к себе в гнёзда, где пронзительно верещат большеротые, ещё гололобые птенцы. Вон стоит белая коза тётя Маши, которая принесла недавно двух козлят. Едва ступив копытцами на землю, козлята принялись скакать и неистово носиться по двору. А старая коза с чувством собственного достоинства взирает на мир, как бы говоря: «Если уж рожать, то вот таких надо рожать!» – и только что не поглаживает себе бородку от гордости.

Лишь пёстрая гусыня всё одна и одна, и нет у неё никого. Не может она снести яйца, не может вывести гусят. Да разве её не тревожит чужое счастье и своя печальная доля?! Конечно, тревожит, и сердце у неё, наверно, щемит...

Вернувшись с работы, тётя Маша садится на крыльцо и начинает кормить свою семью. Пёстрая гусыня топчется тут же вместе со всеми, но только не ест, а о чём-то говорит и говорит – длинно, тягуче однообразно. Бесцеремонные куры толкуются возле неё, вырывая друг у друга из клюва вкусные зёрнышки, а она всё говорит и говорит своим вялым голосом, сиротливо нагнув шею, и то и дело подходит к тётя Маше и трётся о её ноги. Она как бы жалуется на своё долгое одиночество – ведь за целый день никто ей слова не сказал, все заняты своими делами, все хлопочут, возятся, заботятся о детёнышах, а она погружена в печальные думы и не знает, как избавиться от мучительной тоски. Вот и сетует она на свою безрадостную, горькую судьбу.

Тётя Маша участливо смотрит на неё и ласково успокаивает.

– Ну, хватит тебе, дурная, хватит! Ведь голодной останешься, – говорит она.

Потом берёт её к себе в подол, гладит по голове и кормит из рук.

В ту пору, когда одинокая гусыня так грустно коротала свои дни, в деревне и разместилась наша отдельная рота обслуживания, идущая вслед за боевыми частями на запад. Война не обошла эту деревню, и после ухода немцев прошло какое-то время, пока пустынные, истомившиеся в неволе улицы не ожили, встретив наших солдат.

Внезапное появление множества одинаково одетых людей, видимо, вызвало тревожное любопытство у пёстрой гусыни. Ведь она провела почти всю немецкую оккупацию в подполье. Недоверчиво склонив голову набок, она серьёзно всматривалась в снующих взад-вперёд прохожих. Но как бы настороженно и внимательно ни рассматривала она их, эти солдаты явно не походили на тех, что летом сорок первого года внезапно нагрянули в деревню, крича неприятными, чужими голосами: «Хальт, хальт!» Красномордые и злые, они дико тарасили глаза и строчили направо и налево из висящих на шее автоматов с чёрными прикладами. И местные жители, которые со страхом разбежались при виде тех солдат, сейчас вели себя совсем по-другому: они собирались вокруг этих солдат толпами, весело разговаривали с ними и смеялись. Хотя гусыня и натерпелась тогда страха, теперь она сохраняла спокойствие, будто понимала, с кем имеет дело.

В дом к тётке Маше определили трёх наших солдат. Один из них был сапожник, другой – портной, а третий, все в роте звали его просто по имени – Иван, был повар.

Пёстрая гусыня стояла около крыльца, приглядывалась к постояльцам. Сапожник с длинными, заострёнными, как веретёна, чёрными усами притащил свой маленький столик, складной стульчик с кожаным сиденьем, колодки, связку старых сапог и сразу обосновался в

чулане. Он тотчас принялся за дело. Наберёт полон рот мелких гвоздиков и по одному вгоняет их молотком в подошву. При каждом ударе он кривит рот то в одну, то в другую сторону, и при этом кончики его усов почти касаются то одного, то другого уха. Работал он не поднимая головы, и не удивительно, что два брошенных им окурка угодили прямо на спину гусыне. Только однажды он вскинул голову и произнёс:

– Ты что, гусь?

Сапожник гусыне явно не понравился.

Портной тоже был какой-то странный человек. Он надевал очки, усаживался за какую-то машину и, чуть сутулясь, ногой приводил в движение колесо. Крутит, крутит колесо, а машина с места не трогается. Смотреть на бессмысленное старание этого человека гусыне тоже было неинтересно.

Совсем другое впечатление произвёл на неё повар. Вот широкоплечий здоровяк с гладким розовым лицом в белом колпаке и белом фартуке, молодцеватой походкой вышел из двери. Едва переступив порог, он сразу заметил гусыню и, немного задержавшись, весело сказал:

– Эге, хорош гусь! – И, улыбнувшись всем лицом, добавил: – Ну, здорово, приятель!

Пёстрая гусыня смущённо отозвалась коротким «ко!»

Они понравились друг другу с первого взгляда. Повар смотрел на неё с восхищением, а она на него с доверием. Повар даже попробовал деликатно поднять её.

– Лёгок, дорогой, лёгок, – заключил он. – Тебя бы откормить как следует...

Гусыня, словно поняв повара, заготала: «кый, кый, ког, ког!...»

И точно так же, как привыкла ласкаться к тётке Маше, раза два прошлась вокруг солдата, прижимаясь к его ногам.

Так они подружились.

Наша часть должна была ещё постоять в этих местах, и потому на пустыре, за огородом тётки Маши, выстроили из тёса летнюю кухню.

Каждое утро повар отправлялся на кухню, а пёстрая гусыня преданно следовала за ним. Она шла, переваливаясь с боку на бок, и без умолку что-то рассказывала. Судя по всему, гусыня говорила с чувством – она вытягивала шею, когда возвышала голос, и втягивала её, когда доверительно переходила на шёпот. Чтобы выказать внимание другу, Иван изредка вставлял:

– А, вон оно что!.. Ишь ты, смотри пожалуйста!.. Это ты верно говоришь, это точно!..

Придя на кухню, он выкладывал ей на дощечку остатки вчерашней каши, а в подобранную где-то немецкую каску наливал воды. Гусыня съедала кашу, выпивала воду, а потом, сытая, укладывалась неподалеку в травке и, упрятав клюв под крыло, надолго засыпала. Проснувшись и будто желая проверить, на месте ли повар, она прежде всего подходила к двери кухни и заглядывала внутрь. Затем она, точно хозяйка, прохаживалась перед кухней взад-вперёд с вытянутой шеей. И, надо сказать, не зря прохаживалась, потому что и близко не подпускала сюда ни одну собаку.

Солдат, которые являлись с котелками к раздаче обеда, она встречала высоко поднятой головой и громкими криками.

– Кый-гак! Кый-гак! – горланила она.

Трудно сказать, что это означало, но скорее всего – «добро пожаловать!»

Солдаты тоже не оставляли её без внимания и ещё издали обращались к ней с шутками:

– Ну, как, товарищ повариха, готов обед?

– Чем угостишь сегодня?

– С тех пор как ты помогаешь на кухне, и харчи стали вкуснее.

А самыеправские остряки советовали повару:

– Ты бы, Иван, ей белый колпак на голову приспособил, что ли...

И солдаты обступали гусыню. Иван тоже иногда выходил к ним немного подышать свежим воздухом после кухонного жара. Бывало, станет рядом с

гусыней и, поглядывая на неё, с воодушевлением рассуждает о своём поварском мастерстве.

– Я, – говорит он, – когда в ресторане работал, на гражданке ещё, из птицы самые вкусные блюда готовил, деликатесы. Скажем, жареную индейку или фаршированную курицу с изюмом. Эх, и хорошо получалось! Или, возьмём, мясо вот этой, желтолапой. Оно, каждый знает, очень жирным считается. А вот, скажем, с тушёной капусткой – ну, прямо во рту тает! А есть такие любители – им подай заднюю часть, чтобы жир так и капал. Это хорошо под хреном проходит да с пюре. Что, разве не так? – обращается повар к гусыне. – Ишь, глаза вылупила!

А гусыня, склонив голову набок, пристально смотрит на Ивана, вернее, на большой острый нож, который он держит в руке. Ей вроде и понятно, о чём идёт речь, но что-то незаметно, чтобы она очень боялась намеков повара, готового всё на свете превратить в жаркое с хреном. Похоже, что гусыня хотя и знала своё назначение в этом мире, но в то же время твёрдо была уверена, что ещё не пришла ей пора оципанной угодить в печь.

– Ког! – кратко отвечает она на разглагольствования Ивана, как бы подтверждая его слова.

– Ага! Значит, правильно я говорю? – И повар хватается её за клюв.

Гусыня пятится от него, и ей удается вырваться. Тогда, вытянув шею и гогоча, она сама храбро нападает на повара. И они затевают возню. Повар размахивает руками, стараясь схватить гусыню за шею, которая, то вытягиваясь, то сокращаясь, извивается как змея. Гусыня же норовит клюнуть его то в одно, то в другое колено. В конце концов повар не выдерживает её натиска и обращается в бегство, а гусыня гонится за ним до дверей кухни. Солдаты, конечно, громко хохочут, глядя на них.

Обычно к концу дня они вместе возвращались домой. Шли молча, словно два товарища, утомлённые за день совместной работой. Повар шагал, зало-

жив руки за спину, а гусыня медленно, перевалочку двигалась за ним.

Словом, наши солдаты привыкли видеть их всегда вместе.

На длинных фронтовых дорогах к нам постоянно лънули бездомные собаки, приبلудные жеребята, осиротевшие козы и другие домашние животные, оставшиеся без хозяев. Да оно и понятно: на фронте солдат особенно нежно любит животных, а они, видно, это чувствуют. Вдобавок, возле солдата всегда сытым будешь. Так и одинокая гусыня: чувствуя на себе добрые взгляды и тронутая ласковым отношением, она крепко привязалась к нам. И неудивительно, что с тех пор, как мы расположились в этой деревне, гусыня очень изменилась: стала оживлённее, потолстела и даже похорошела.

Но вот однажды гусыня не последовала за поваром, как обычно. Она не пошла на кухню и осталась дома. Такой беспорядок настолько озадачил повара, что, раздав завтрак, он пришёл домой. Пёстрая гусыня была жива и здорова, но, как прежде, одиноко стояла у крыльца. Повар попробовал её позвать, а потом, немного обиженный её равнодушием, даже слегка выругался. Но она на его слова не обратила никакого внимания. Она была молчалива и задумчива.

В тот день и солдаты удивлённо спрашивали у повара:

– Иван, а где же твоя длинношеяя помощница?

Повар Иван ничем не мог объяснить такую внезапную перемену в поведении своей подруги. Между тем на то была очень серьёзная причина. Дело в том, что ещё утром до гусыни донёсся из-за печки чей-то тонкий и странно знакомый ей писк. Этот столь близкий, желанный и дорогой её сердцу слабый голосок, повторяясь время от времени, волновал её душу, и, замороженная им, она позабыла обо всём на свете. Не отходя от двери, она напряжённо ждала, когда же он зазвучит снова.

К полднику тётя Маша вернулась домой и сразу принялась шарить за печкой. Теперь уже там пищали наперебой,

и этот тонкий писк изредка покрывало чьё-то солидное «корр-корр».

«Что-то мне сейчас откроется?» – думала бедная гусыня, едва переводя дыхание.

И вот у ног тёти Маши закружилась вышедшая из-за печки чёрная курица с полинявшим от долгого сидения хохлом.

– Корр, корр... – кудахтала она.

А в фартуке у тёти Маши лежало несколько жёлтых комочков. Она вынесла их во двор и осторожно опустила на траву.

Но к великому смятению гусыни, на траве оказались не цыплята, а гусята. Вот они, все пятеро, стоят перед ней, покачиваясь на тонких ножках. Они совсем маленькие, а светло-жёлтые клювики у них тоненькие-претоненькие, почти прозрачные, на круглых головках их поблёскивают, как две капли смолы, чёрные глазки, крылышки у них ещё такие хрупкие, точно приклеенные. И всех их, словно они сделаны из мягкой жёлтой ваты, того гляди, унесёт лёгкий ветерок.

Они ещё не привыкли к дневному свету, забавно вертят головками и тоненько пищат: ти-ти-ти, пиы-пиы-пиы...

От этого зрелища гусыня совсем обомлела. Устремив взор на гусят, она застыла в неподвижности, она была совершенно зачарована.

Волнующая картина! Какие переживания вызвала она в сердце бедняжки! Как, каким движением, каким голосом выразить ей свои чувства. Будь она человеком, у неё, без сомнения, в эту минуту из глаз брызнули бы слёзы радости...

Не только гусыню, но и нас поразило это событие. Правда, мы-то понимали, что курица может высидеть гусят, но вот где тётя Маша достала гусиные яйца – это было для нас загадкой. Не могла же их снести наша гусыня, оставшаяся одна-одинёшенька на весь район! И впрямь, откуда же они взялись? Хорошо хоть повар Иван проник в тайну этого дела, он-то и рассказал нам во время обеда, как всё произошло.

Оказывается, в начале весны на ближайшей станции остановился эшелон с колхозниками, которые возвращались в свои деревни, освобождённые от немцев. И хотя колхозникам пришлось жить вдали от родных мест, они уберегли свой скот, сохранили и птицу. Вот у них-то и выпросила тётя Маша пяток гусиных яиц. На её счастье, все яйца оказались хорошими, и чёрная курица высидела из каждого яйца по гусёнку.

С того дня, как гусыня увидела гусят, она пренебрегла и поваром Иваном, и кухней, да и всех нас вовсе перестала замечать. Теперь она целыми днями кружилась неподалёку от чёрной курицы. А та ревниво оберегала своих гусят и не подпускала к ним не только гусыню, но даже кур. Распустив перья и воинственно поглядывая по сторонам, чёрная курица непрестанно кудахтала вокруг выводка. И гусыня вынуждена была обходить её сторонкой.

Всё же она, наверное, понимала, что чёрная курица – не родная мать своим детёнышам. В самом деле, курица не водила их на речку, не давала им поиграть в воде и вволю поплескаться, не приучала их нырять, задрать хвостики, а вместо того, чтобы показать им, как надо щипать траву, старалась накормить своих гусят разной ерундой, которую она добывала, разгребая ногами землю. Недаром гусята росли хилыми несмышлёнышами.

Видимо, всё это очень тревожило гусыню. Иногда, пощипывая поблизости травку и уловив подходящий момент, она даже пробовала украдкой подзвать гусят к себе. Однако, пока до их сознания доходил её осторожный зов, чёрная курица, бывало, уже вся нахохлится, и туг как тут. Может, пёстрая гусыня и могла бы проучить чёрную курицу, но всё же она в таких случаях отступала – не хотела причинять беспокойства гусятам.

А время шло. И как бы там ни было, а гусята росли. Вот уже у них удлинились шейки, их жёлтый пушок стал белеть, а на концах хвостиков появились тон-

кие пёрышки. Они уже не помещались все вместе под крылышком у курицы, а укладывались врассыпную, да и норовили пройтись каждый самостоятельно. Впрочем, курица и сама стала забывать, что она – наседка. Она уже не кудахтала беспрестанно, не распускала грозно перья, не ходила такая нахохленная. И если она ещё неотступно следовала повсюду за гусятами и по-прежнему показывала им, как надо разгребать землю, то делала это уже просто так, по привычке.

Однажды мы все услышали такую удивительную историю. Мол, утром тётя Маша встала, вышла во двор и не обнаружила ни гусыни, ни гусят. А чёрная курица, нимало не думая о своём выводке, всю кокетничала с красным петухом. Тётя Маша, конечно, встревожилась.

«Эх, украли!.. Каких гусят потеряла!» – сокрушённо подумала она и поспешно отправилась разыскивать их.

И что же она увидела, когда поиски привели её на берег? На середине реки плавала пёстрая гусыня вместе со всей пятеркой гусят. Величаво подняв голову, она гордо поглядывала по сторонам так, будто она – светоч мира и краше её на свете птицы нет. На зов тёти Маши гусыня и клювом не повела, только на мгновение мелькнула её желтеющая в прозрачной воде лапка.

Трудно сказать, как это случилось: то ли курица сама бросила гусят, то ли неотрывно следившая за ними гусыня не выдержала, решила и увела их от нерадивой курицы. Надо сказать, что и нам было неприятно смотреть на уже подросших гусят, как они вечно бродят по двору с чёрной курицей и роются возле навозных куч, где пачкают свои ослепительно-белые пёрышки. Теперь, когда они ушли с пёстрой гусыней на речку, мы подумали о том, что сама жизнь исправила невольное нарушение закона природы.

В обед пёстрая гусыня привела мокрых после первого купания гусят во двор. Ради такого зрелища собрались мы все. Вышел и портной в очках, слов-

но наглухо прикрепленных к носу, вышел и черноусый сапожник. Даже повар Иван, уж на что у него была горячка на кухне, и тот прибежал с половником в руке.

И до чего же пёстрая гусыня преобразилась! Нет того, чтобы по-прежнему водиться с людьми. Где там! Вытянув и пригнув шею к земле, она с шипением поводила головой: ыссс, ыссс!..

Только тётю Машу и повара Ивана она подпустила к гусятам. Польщённый Иван на радостях не сдержал своих чувств.

– Ну, душа моя, наконец-то ты семьёй обзавелась! – воскликнул он и, подняв гусыню, поцеловал её в макушку.

Гусыня тоже успела ткнуть его клювом в нос. Эта сцена вызвала шумный протест среди гусят. Дескать, нельзя теперь так шутить с гусыней, она, мол, нам не чужая.

А сапожник, после долгого раздумья,

погладил сначала левый, потом правый ус и глубокомысленно произнёс: – Я-то всё считал, что это гусак, а вот оказалось – гусыня!

Наконец-то спасшаяся от немцев одинокая гусыня, говоря словами повара Ивана, обзавелась семьёй. Если тому суждено быть, она на следующую весну сама снесёт яйца и высидит потомство. Тёте Маше прибыль, а ей полное материнское счастье. Теперь на нашей улице, в доме тёти Маши, снова царят мир, покой и уют...

Тихая лунная ночь. Уложив вокруг себя гусят, на травке дремлет пёстрая гусыня. Заслышав звук приближающихся шагов, она обязательно подаст голос. И гусята, вынув клювы из-под тёплых крылышек, тоже немного пошумят. Их голоса напомнят прохожему о том, что освобождённая земля возрождается к жизни.

Шаги смолкнут, и улица снова погрузится в серебристую тишину.

Перевод Б. Рунина

